

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2020

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5

ЭКОНОМИКА

Волкова С. Л.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТУРЦИИ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ 8-го И 9-го ПЛАНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (2002-2013 гг.)	8

Гаджиев А. Г.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС ПОСЛЕ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 1 ДЕКАБРЯ 2019 г.	24

Ледовская О. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНО-ТУРЕЦКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	47

Свистунова И. А.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА.....	63

Симонов Д. К.

ВКЛАД ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ТУРЦИИ В РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	80

Ульченко Н. Ю.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: «НЕИСЛАМСКИЙ» АСПЕКТ	90

ПОЛИТИКА

Болдырев А. В.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ТУРЕЦКИХ ВМС В 1991-2019 гг.....	105

Вертяев К. В.

СЕВЕРНЫЙ ИРАК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТУРГУТА ОЗАЛА (1989-1993).....	114

<i>Иванова И. И., Горбунова Н. М.</i> ТУРЦИЯ И ЛИВАН В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	134

<i>Графов Д. Б.</i> ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ТУРЦИИ В США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА	154

<i>Иванова И. И.</i> ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ В XXI в.	182

<i>Корочкина В. А.</i> ИЗРАИЛЬСКИЕ ЭКСПЕРТЫ О МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ТУРЦИИ И ИЗРАИЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	207

<i>Пойя Семеулла</i> АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ США И АФГАНИСТАНА. ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА АФГАНИСТАНА С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ.....	227

<i>Цибенко В. В.</i> КОНКУРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ТУРЦИИ: ПРИМЕР ЧЕРКЕСОВ И КРЫМСКИХ ТАТАР.....	237

<i>Саетов И. Г.</i> ПОПУЛЯРНОСТЬ ТУРЕЦКИХ СЕРИАЛОВ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ	249

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лебедева Н. Б.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.П. КАШИНА «НАРЕНДРА МОДИ. ЛИДЕР СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ» М.: АО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ИКАР», 2020. – 260 с.	258

Вертяев К. В.*

СЕВЕРНЫЙ ИРАК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТУРГУТА ОЗАЛА (1989–1993)

Vertyaev Kirill**

NORTHERN IRAQ IN TURKISH FOREIGN POLICY DURING THE PRESIDENCY OF TURGUT OZAL (1987–1993)

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-114-133

Аннотация: Данная статья посвящена становлению внешнеполитических связей Турции с элитами из числа иракских курдов в период президентства Тургута Озала. В статье выделена группа факторов, которая влияла на смену внешнеполитической парадигмы Турции в начале 90-х годов в ее стремлении взять под своей контроль процессы внутри Иракского Курдистана. События показаны на фоне усиления курдского фактора в Ираке в период Войны в Персидском заливе и сразу после нее. В статье отмечается, что многие внешнеполитические подходы президента Тургута Озала легли в основу внешнеполитической стратегии Партии справедливости и Развития. **Ключевые слова:** Турция, Озал, Иракский Курдистан, Северный Ирак, Барзани, Талабани, Ближний Восток, война в Персидском заливе.

Abstract: This article studies Turkish foreign relations with elites from among Iraqi Kurds during the presidency of Turgut Ozal. The article identifies a group of factors that have influenced and changed the foreign policy paradigm of Turkey in the early 90s in an effort to take control of the processes within Iraqi Kurdistan (Northern Iraq). The events are shown against the backdrop of the strengthening of the Kurdish factor in Iraq during the Persian Gulf War against Saddam Hussayin and immediately after it. The article notes that foreign policy approaches of President Turgut Ozal formed the basis of the foreign policy strategy of the Party of Justice and Development (AKP).

Key words: Turkey, Ozal, Iraqi Kurdistan, Northern Iraq, Barzani, Talabani, Middle East, Gulf War.

Проблема становления курдской автономии на севере Ирака становится важным фактором современного вектора внешней политики Турции, и, в парадоксальном смысле, в определенной степени внешнеполитическим вызовом для нее. По мере суверенизации автономного Иракского Курдистана, его возможное превращение в нередко именуемый в турецкой прессе *cazibe merkezi* (т.е. центр притяжения) для всех курдов Турции на почве этнического и национального партикуляризма, не раз являлось источником беспокойства политического истеблишмента Турции в виду прямой угрозы национальной безопасности страны и ее территориальной целостности. Событийная карта последних лет, включая проведение Турцией военных трансграничных

* Вертяев Кирилл Валентинович – к.полит.н., старший научный сотрудник ЦИС БСВ ИВ РАН; e-mail: kitez@mail.ru. ORCID: 0000-0003-3533-3684

** Vertyaev Kirill – Ph. D. (Political Sciences), Senior Researcher of IOS RAS; e-mail: kitez@mail.ru.

операций на территории Ирака в 80–90-е годы и в начале XXI века, а также военную оккупацию приграничных территорий на севере Сирии в 2016–2019 гг., наглядно показала, что создание курдского независимого государства является для национальных интересов Турции той «красной линией», перейти которую кому-либо вряд ли удастся. Попытки создания самоуправляемых территорий на севере Сирии (Федерация Северо-Восточной Сирии, или «Рожава») по всей длине сирийско-турецкой границы привели к серии военных операций Турции на территории Сирии с целью расчленения «курдского пояса» и создания там «протурецких анклавов» населенных туркоманами, арабами и лояльными к турецкой интервенции курдами.

Военная экспансионистская активность Турции вызывает справедливое беспокойство у ее соседей, и в первую очередь, в Иракском Курдистане, которые еще с середины 80-х годов перманентно становятся объектом трансграничных военных операций сил Турции против вооруженных сторонников Партии Рабочих Курдистана (ПРК). Парадокс в том, что собственно к Иракскому Курдистану ПРК не имеет никакого отношения, поскольку является порождением и феноменом именно турецкой политической культуры, т. е. модели отрицания культурных прав этноменьшинств в рамках существующего подхода к национальному строительству (*inkar politikası*).

В данной статье мы попытаемся проследить процесс становления внешнеполитических отношений Турции с Иракским Курдистаном. Их начало, на наш взгляд, было положено в период президентства Тургута Озала (1987–1993 гг.), который в 1991 г. в обход саддамовского режима проводил прямые переговоры с курскими лидерами ДПК и ПСК – Мосудом Барзани и Джелалом Талабани. Одной из очевидных причин и, скорее всего, главной целью таких переговоров было посредничество влиятельных курдских лидеров двух партий (в турецкой прессе тогда их именовали «племенными вождями») в нейтрализации повстанческой деятельности ПРК на территории Турции. Это тем более удивительно, что до этого официальная Турция считала, например, самого Джеляла Талабани террористом¹. Кроме того, немаловажным фактором актуализации этих отношений стали участвовавшие в начале 90-х случаи притеснения туркоманского населения – в частности, туркоманских политических партий, что использовалось Турцией для политического давления на курдскую автономию, а сам туркоманский вопрос превратился в политический козырь в отношениях не только с Ираком, но и с Сирией. Однако для того, чтобы как-то влиять на ситуацию в Ираке в целом «туркоманская» карта была слишком малозначительна в сравнении с «курдской» картой. Следует сразу оговориться, что понятие «Иракский Курдистан» во внешнеполитическом дискурсе Турции, по крайней до начала XXI века, вообще не существовало. Курдский фактор завуалированно именовался фактором «Северного Ирака», под которым в Турции до сих пор подразумеваются территории, населенные иракскими курдами и туркоманами.

Несмотря на официальное признание территориальной целостности Ирака, отдельный вектор в отношениях с автономией, который продолжает присутствовать во внешней политике Турции до сих пор, начал формироваться в Турции в период президентства Тургута Озала. Связано это в первую очередь с экономической экспансией Турции в автономном регионе и этот процесс, заложенный политикой либерализма Т. Озала, успешно продолжается и по сей день. Турция является главным торговым партнером курдской автономии Ирака, через ее территорию в основном экспортируется нефть, являющаяся основным источником доходов Иракского Курдистана. Турецкие компании вкладывают значительные средства в строительную, торговую и нефтяную отрасли автономии.

Анализ «озаловского» периода важен еще и в том ключе, что современная в ближневосточная политика Партии Справедливости и Развития (ПСР) во многом является продолжением внешнеполитической доктрины и политики Тургута Озала, дополненной теоретическими воззрениями бывшего министра иностранных дел Ахмеда Давутоглу, когда иракские курды де-факто стали рассматриваться в качестве объекта внешней политики страны². Внешнеполитическая реформа Озала, по сути, нашла свое отражение и теоретическое обоснование в доктрине «стратегической глубины» А. Давутоглу. Важным элементом внешнеполитической доктрины Давутоглу являются понятия «амбициозных» государств (*iddiali devletler*). По мнению Давутоглу, «амбициозные» государства определяют угрозы для себя исходя из собственных стратегических целей, а, наоборот, пассивные государства – выстраивают собственную стратегию исходя из уже указанных определений подобных угроз»³.

Начало экспансионистской политики Турции имело, на наш взгляд, в первую очередь экономическую подоплеку. Проводимые в стране либеральные экономические реформы сформировали в 80-е годы крупный национальный капитал, конкретным образцом которого можно считать возникновение т.н. «анатолийских тигров» – крупных промышленных городских агломераций, стремящихся выйти со своей продукцией на международные рынки – в первую очередь, в ЕС и на Ближний Восток. Например, в Турецком Курдистане таким центром стал Газиантеп. Характерно, что в основе таких производственных организаций, приведших к турецкому «экономическому чуду» лежали принципы т.н. «протестантского ислама», вольными или невольными проводниками которого в среде политических элит лаицистской Турции стали выступать представители различных мусульманских братств, тарикатов, религиозных джамаатов, последователи которых нередко переходили из бизнеса в большую политику.

Трансформация внешней политики Турции во времена Озала нашла свое отражение во многих работах турецких исследователей⁴. Американский исследователь Д. Макдауэлл вообще считает Т. Озала чуть ли не «отцом» Иракского Курдистана, позволившему автономии политически

состояться благодаря инспирированному Турцией вмешательству НАТО в рамках военных гуманитарных операций (Free Heaven и ProvideComfort) на Севере Ирака⁵. Действительно, осуществление военной гуманитарной операции в 1991–1996 гг., обеспечило условия для создания де-факто квази-независимого государства иракских курдов, в юридических рамках автономии, которая, в свою очередь, существовала де-факто в рамках договоренностей 1971 г. с багдадским режимом. Следует отметить при этом, что Турция начала проводить трансграничные операции на территории Ирака еще в начале 80-х годов, подписав с Ираком соответствующее соглашение о праве «преследования по горячим следам» тех, кто представляет для государства национальную угрозу. При этом еще в 1986 г. в разгар Ирано-иракской войны по дипломатическим каналам Анкара недвусмысленно давала понять, что может потребовать возврата бывшего Мосульского вилайета в случае коллапса Иракского государства⁶.

Как нам представляется, попытка реабилитации территориальных претензий на бывший Мосульский вилайет (Северный Ирак) объективно присутствовала в политическом истеблишменте Турции конца 80-х г. Так, ряд влиятельных политологов Турции, такие как Атай Акдевелиоглу и Омер Кюркчуоглу утверждают, что Озал рассматривал перспективу и возможности возврата иракских территорий от Мосула до Киркука полностью под юрисдикцию Турции⁷.

Однако на протяжении всей истории Турецкого государства после 1926 г. вплоть до начала 90-х годов XX века, территории на севере Ирака, населенные курдами, никак не рассматривались в Турции в качестве объекта территориальный притязаний. При том, что в среде политических элит, как представляется, сохранялись атавистические территориальные претензии в отношении Мосульского вилайета, «несправедливо» отторгнутого от Турции в 1926 г.

Сейчас Иракский Курдистан (точнее Регион Курдистан) – это де-юре автономия севере Ирака, в которой 25 сентября 2017 г. прошел референдум о независимости, признать который отказались все страны мира. Против, естественно, выступили Турция и Иран, а правительство в Багдаде объявило референдум нелегитимным. Несмотря на это, автономный регион продолжает существовать в своем квазинезависимом статусе, сохраняя формальные отношения с центральным иракским правительством в качестве де-юре федерального региона Курдистан в составе Ирака, но параллельно проводя активную независимую внешнеэкономическую деятельность, связанную в первую очередь с экспортом и переработкой углеводородных ресурсов. Общие запасы нефти, находящиеся под контролем Регионального правительства Иракского Курдистана трудно поддаются точному определению, учитывая территориальные споры между центральным правительством в Багдаде и Курдским региональным правительством относительно областей Киркук и Ханакин, где сосредоточены едва ли не крупнейшие во всем Ираке запасы нефти.

Региональное правительство Иракского Курдистана находится в Эрбиле. При этом политические элиты иракских курдов не раз заявляли, что видят своей столицей именно Киркук. Однако ввиду этнически смешанного состава населения Киркука он как минимум с 70-х гг. XX века превратился в объект территориального спора между автономией и центральным правительством в Багдаде. В итоге с принятием новой иракской конституции в 2005 г. был официально зафиксирован автономный статус Иракского Курдистана во главе с региональным правительством, расположенным в Эрбиле. В конституции объявлялся федеративный характер Ирака. У автономии свой флаг, герб, а также собственные военные силы пешмерга.

Автономия имеет с Турцией общую границу, являющуюся официально, и с точки зрения турецких властей – границей Ирака. Граница всегда была местом трансграничной торговли, нередко контрабандной, с одной стороны, а с другой стороны – зоной активизации повстанческих группировок в лице ПРК, выступавшей в тот период под лозунгом вооруженной борьбы с целью создания курдского независимого государства на территории Турции. В условиях сложившейся де-факто квазигосударственности, существовавшей в Иракском Курдистане в период с 1991 по 2003 гг., граница с Турцией и Ираном являлась единственным для иракских курдов источником поступления в страну продуктов питания, товаров, медикаментов. Так сложилось, что получив по мандату ООН право расплачиваться нефтью за поставки продовольствия, иракские курды продемонстрировали возможность существовать в подобных политических условиях, которые имели в тот исторический период явные признаки квазигосударственности⁸. При этом поставки нефти осуществлялись в основном через Турцию. Сам вопрос об одностороннем провозглашении независимости от Ирака обсуждался в политическом истеблишменте иракских курдов уже в период 1991–1994 гг., пока кровавые события, связанные с боевыми столкновениями между ДПК и ПСК по контролю над распределением доходов от нелегальной торговли через турецкую границу, наглядно не показали перспективы подобной государственности на том этапе политического становления Иракского Курдистана. Таким образом, именно в период президентства Тургута Озала Северный Ирак стал сильнее вовлекаться в сферу естественных экспансионистских интересов Турции, которые имели свою предысторию.

После поражения Османской империи в Первой мировой войне Великобритания оккупировала Мосул и его окрестности 15 ноября 1918 г. на основании 7 статьи Мудросского перемирия, положившего конец Первой мировой войне на ближневосточном театре военных действий. Согласно статье 64 принятого двумя годами позже Севрского договора, Мосульский вилайет находился в границах гипотетического государства Курдистан, которое предполагалось создать в том случае, если местные жители проявят такое желание.

Согласно идее Мустафы Кемаля, возглавившего антиимпериалистическую национально-освободительную борьбу за создание новой Турции, нынешние

регионы расселения иракских курдов были включены в Национальный обет («Мисак-и-Милли»), который весьма условно очерчивал географические районы, где живут турки, курды и другие народы, входящие в создаваемое на руинах Османской империи новое турецкое государство. Практически весь нынешний автономный регион Курдистан в составе Ирака входил в проект национальных границ согласно «Мисак-и-Милли». Однако, как показывают исторические источники, влиятельные курдские элиты того времени, например, шейх Махмуд Барзанджи, ставший во главе самопровозглашенного королевства Курдистан в Сулеймании в начале 20-х годов, не разделяли идею вхождения Курдистана в состав Турции, рассматривая при этом возможный союз с кемалистами в качестве тактической борьбы с внешней английской интервенцией. Согласно же революционной националистической концепции кемализма турки и курды жили на земле, являясь источником власти – как народ и как движущая сила освободительной войны, включая, естественно, и север нынешнего Ирака⁹.

Именно из-за этого проблема Мосула (Северного Ирака) так и не была решена ни в Лозанне, ни в Стамбуле после 9-ти месяцев переговоров с Англией. Таким образом, в соответствии с третьей статьей Лозаннского соглашения вопрос о Мосуле должен был быть передан в Лигу Наций, которая большинством голосов склонилась к британскому мандату над будущим независимым иракским королевством, включая населенную в основном курдами северную часть бывшего Мосульского вилайета канувшей в лету Османской империи.

5 июня 1926 г. в Анкаре между Турцией, Великобританией и Ираком было подписано соглашение о границах и добрососедских отношениях, в соответствии с которым Турция получала 10% от доходов иракской нефти в течение последующих 25 лет. Позже, в соответствии с соглашением, Великобритания выплатила Турции 500 тыс. фунтов компенсации за отказ от своих прав и, таким образом, Турция де-юре потеряла право на территориальные претензии к Ираку.

Несмотря на то, что Ататюрк считал потерю нефтеносного Мосульского вилайета катастрофой и верил, что при первой же возможности сможет «вернуть Киркук», Турция в рамках своей внешней политики после 1926 г. официально содействовала территориальной целостности Ирака. К тому же культурная автономия курдов Ирака изначально была заложена при передаче мандатного управления иракскому правительству, что выражалось, в частности, в действии Закона о региональных языках. Как отмечает Х. Озгюлу, «у Турции был серьезный посыл после 1925 года аннексировать богатый нефтью мосульский вилайет, однако сохранение покровительства Англии над королевством Ирак даже после формального провозглашения его независимости удерживало власти Турции от такого шага»¹⁰. Несмотря на это, обе страны являлись членами сначала Саадабадского (1937 г.) и Багдадского пактов (1955 г.) о ненападении и признании существующих границ.

Актуализация курдского фактора во внешней политике Турции возникла в 1946 г. в результате самопровозглашения при поддержке СССР Мехабадской республики в Иране, ставшей для многих курдов Ирака прототипом курдского национального государства на Ближнем Востоке. Интересно отметить, что хотя Мехабад и не находился в территориальных претензиях к Турции, заявления ряда функционеров этого краткосрочного государства о желании «идти на Мосул и Киркук», учитывая рассредоточение курдских сил пешмерга вдоль ирано-турецкой границы, вызывали серьезное беспокойство в Анкаре в тот период. Так, турецкий посол в Тегеране заявлял, что Иран и Ирак могут рассчитывать на помощь Турции в подавлении выступления Барзани¹¹. При этом курдское восстание под руководством Мустафы Барзани вызвало подъем национального сознания среди курдовсамои Турции.

Вскоре после Второй мировой войны в связи с демократической сменой политического режима и укреплению связей Турции со странами Запада и США и получения помощи в рамках «Плана Маршала», во внутренней жизни Турции также происходила либерализация, на фоне которой возникали первые полулегальные курдские политические организации, в том числе и в виде сателлитов Демократической партии Курдистана, руководителем которой был Мустафа Барзани.

В 1958 г. в Ираке на смену монархии в результате революции под руководством иракских офицеров (среди которых были и курды) пришел республиканский строй, в результате чего во внутренней политике возобладали панарабские националистические тенденции, что, в свою очередь, привело к тому, что переговоры между иракским правительством и ДПК завершились разногласиями. Как представляется, курдские элиты склонялись к де-факто федеративному Ираку, когда курды и арабы считались бы представителями разных «кавимов» (национальностей), при этом арабы в Ираке являются частью арабской нации, представители которой живут в других странах, а курды – представителями курдской нации, разделенной границами соседних государств. Несмотря на признание после 1958 г. режимом Касема курдского национального движения де-факто, как субъекта политического процесса в Ираке, в 1963 г. иракская администрация предприняла попытку полного уничтожения курдского сопротивления на севере страны. Турция никак не вмешивалась в этот конфликт при том, что, например, Сирия в ходе военной операции направила часть своих сил в Северный Ирак для борьбы с курдскими повстанцами совместно с иракскими силами Баас.

Что касается Ирано-иракской войны (1980–1988 гг.), то специфика курдского движения в этот период заключалась в том, что если иракские курды, в целом, поддерживали иранское правительство, как силу, которая поможет им добиться независимости от Ирака, то иранские курдские политические партии, наоборот, поддерживали Ирак в его противодействии шиитскому режиму. Турция же во время Ирано-иракской войны сохраняла нейтралитет, что позволило ей нарастить объем внешней торговли со странами Ближнего

Востока в 1982–1987 гг. примерно в пять раз. С другой стороны, беспокойство Анкары вызывал тот факт, что противоборствующие силы в этой войне продолжали вооружать лояльные им курдские группировки.

Использование химического оружия (горчичного газа) против курдского населения Ирака в августе 1988 г., жертвами которого стали несколько десятков тысяч мирных жителей, вызвало общественный резонанс в мире, и уже в сентябре группа стран обратилась в ООН с требованием расследования этого преступления саддамовского режима, однако правительства Ирака и Турции выступили против этого. Последовавшие за этим молчанием гораздо более жестокие репрессии иракских властей против восставшего курдского населения Ирака в начале 1991 г. (сразу после провала попытки аннексии Кувейта), вызвали массовый исход курдов на территории Ирана и Турции. Так, в 1991 г. на территории Турции находились около полумиллиона беженцев, что заставило президента Озала настойчиво требовать от союзников по НАТО реализации военной программы «Safe Heaven», направленной на выдворение беженцев на территорию Ирака и обеспечения их защиты от саддамовского режима. Согласно мнению автора «Современной истории курдов» МакДоуэлла, именно инициатива Озала о создании бесполетной зоны на севере Ирака южнее 36 параллели дала начало становлению здесь курдской протогосударственности в форме автономии вопреки воли политического истеблишмента Турции¹². Идея проведения операции Safe Heaven была озвучена президентом Озалом британскому премьеру Дж. Мейджору в апреле 1991 г. Тот, в свою очередь, выступил с предложением о создании защищенной мандатом ООН территории на севере Ирака на ближайшей конференции ЕС.

У нас нет оснований говорить, что в начале девяностых сам Озал или МИД Турции, или какое либо турецкое правительство или, тем более, пресловутое «глубинное государство» в Турции с пониманием относились к стремлению курдов Ирака создать свое государство. Учитывая отсутствие до 1991 г. официальных контактов между Анкарой и курдскими лидерами Ирака, а также позицию генералитета («глубинного государства») Турции, такая перспектива вообще не рассматривалась. Историю политической субъектности курдов Ирака, то есть этапов становления автономии, мы оставим за скобками настоящего короткого исследования и выделим четыре группы факторов, повлиявших на изменение политики Турции при Озале в отношении Северного Ирака, то есть на формирование отдельной внешнеполитической линии взаимоотношений Турции с иракскими курдами.

Внешнеполитическим фактором, непосредственно инспирировавшим построение прямых политических связей с руководством иракских курдов стал кризис, вызванный вторжением Ирака в Кувейт, гуманитарный кризис на Севере Ирака и прямое вмешательство США в регион, что рассматривалось Турцией в качестве угрозы подрыва собственных интересов или вытеснения турецкого влияния в регионе. С другой стороны, с момента начала курдского

восстания на севере Ирака в 1991 г. поддержку восставшим оказывал Иран и Турция опасалась усиления своего соседа в этом регионе.

Экономический фактор, как двигатель внешнеполитического процесса, имеет здесь тоже свое значение. Примером экономической детерминанты, повлиявшей на смену внешнеполитической парадигмы в Турции при Озале (что выражалось в более активном влиянии на Ближний Восток и арабские страны), стал возврат к концепции т.н. «торгового государства», в рамках которой важность придается экономической взаимозависимости между субъектами международной политики как средству достижения мира и стабильности на Ближнем Востоке. В своей известной работе «Стратегическая глубина» А. Давутоглу отмечает, что этот порядок на Ближнем Востоке «не может быть достигнут в атмосфере изолированных экономик». В этом контексте взаимозависимость Турции и объекта ее внешней политики, в частности Северного Ирака (Иракского Курдистана) можно рассматривать в плане экономической взаимозависимости, которую можно рассматривать как функциональный инструмент для урегулирования политических конфликтов, используя обеспечиваемость рынков, экспортные интересы двух субъектов международных отношений, в том числе и с точки зрения поощрения турецкого экспорта и бизнеса в целом¹³. Как представляется, происхождение этой точки зрения восходит к эре Тургута Озала (1980-е и начало 1990-х). Выработка такой внешнеполитической концепции тесно связана с принятием в 1980 г. курса на замену модели экономического развития импортозамещения на экспортно-ориентированную модель развития в условиях либеральной рыночной экономики.

Политика «внешней экономической взаимозависимости», инспирированная Озалом, вызывала стойкое противодействие со стороны органов безопасности и «глубинного государства», включая высший армейский генералитет, которые имели влияние на формирование внешней политики страны. Это отчетливо выразилось в период агрессии Ирака против Кувейта.

Внутренним фактором, повлиявшим на начало прямых контактов Озала является в первую очередь активизация повстанческой деятельности боевиков ПРК, которая в Турции считается террористической. Бойцы ПРК нередко совершали вылазки с территории Северного Ирака, а начало первого президентского срока Т. Озала ознаменовалось введением чрезвычайного положения в юго-восточных вилайетах Турции, однако для борьбы с повстанцами из ПРК использовались силы жандармерии и полиции, а не вооруженные силы Турции. Как мы увидим, регулярные военные силы Турции будут вовлечены в борьбу с ПРК сразу после неожиданной смерти Т. Озала в 1993 г.

Вторым немаловажным внутренним фактором стала либерализация курдского вопроса, что выразилось в первую очередь в отмене запрета на использование курдского языка в январе 1991. Примечательно, что в планах Озала, о чем будет сказано ниже, это можно рассматривать, в том числе и как почву для возможной последующей аннексии Иракского Курдистана

и федерализацией всей Турции. Однако этот авантюрный план Озала в 1991 г. был отвергнут Советом национальной безопасности страны.

Важную роль здесь приобретает **фактор личности Тургута Озала**. В рамках сложившейся де-факто квазигосударственности в 1992–93 гг. (т. е. после избрания парламента «Свободного Курдистана») на севере Ирака, патронажно-клиентские отношения продолжали носить здесь определяющий характер как в политической, так и экономической жизни. Принадлежность к ордену накшбанди одновременно и Озала, и Мосуда Барзани, а также их общая курдская идентичность создавали условия для укрепления подобных патерналистских отношений, влиявших на уровне лидеров, на характер международных отношений Турции и представителей иракских курдов. Однако личные контакты президента с Джелалом Талабани имели гораздо большее значение; благодаря им Озал в начале 1993 г. вышел на переговоры с лидером ПРК Абдуллой Оджаланом, о чем тот дал понять во время своей пресс-конференции в долине Бекаа в марте того же года.

Фактор «черного лебедя» (непредвиденного события) тоже имеет место при анализе отношений Турции с курдской автономией Ирака. Массовый «исход» курдов и туркоманов из Ирака на территории Турции и Ирана в 1991 г. имеет черты непредсказуемого события, оказывающего наибольший эффект на политические или экономические события и тенденции, и нередко являясь их иницирующим событием. И хотя прямые контакты турецкого руководства с курдскими лидерами начались на месяц раньше этого события, никем не ожидаемая попытка перехода полумиллиона беженцев на территорию Турции, безусловно, оказал влияние на дальнейшее развитие контактов и взаимоотношений руководства Турции и иракских курдов (при этом на территорию Турции было разрешено переместиться только туркоманам, а курдские беженцы были размещены вдоль границы Ирака с Турцией).

В турецкой публицистике нередко акцентируется и **фактор «глубинного государства»** – это конспирологическая теория, в основном, связанная с предположением о возможном убийстве (отравлении) Тургута Озала в 1993 г. после того, как он попытался начать прямые переговоры с лидером ПРК Абдуллой Оджаланом, заручившись для этого поддержкой курдских политических элит на севере Ирака, что, по мнению «глубинного государства» являлось прямой и явной угрозой территориальной целостности страны (как это вытекает из содержания 143 статьи Турецкой Конституции, позднее отмененной после прихода к власти Партии Справедливости и Развития).

При этом **фактор возможной аннексии Турцией Иракского Курдистана (северного Ирака)** являлся, на наш взгляд, во внешнеполитических взглядах Озала определяющим, пока не был отвергнут Советом национальной безопасности Турции. Стремление присоединить к Турции Иракский Курдистан превалировало в диспутах президента с членами СНБ еще в самом начале войны в Персидском заливе: на заседании Совета Озал настаивал на односторонней оккупации Турцией севера Ирака в рамках резолюции ООН

с последующей федерализацией всей Турции и присоединения к ней бывшего Мосульского вилайета в рамках «Мисак-и-Милли». Подобные атавистические территориальные претензии оправдывались Озалом наличием здесь богатейших запасов нефти. Также в лексике Озала в начале 90-х появился термин «соплеменники наших граждан» в отношении жителей северного Ирака, под которыми подразумевались курды и туркоманы. Как известно из турецкой истории, подобные термины употреблялись в отношении жителей Хатая (1938 г.) или Северного Кипра (1974 г.), что создавала общественную основу для легитимации последующей военной интервенции. Примечательна сказанная при этом фраза одного из генералов Совета национальной безопасности: «Взять-то Мосул мы сможем, а вот как удержать?»¹⁴. Под давлением СНБ руководство страны отказалось от этой авантюры. Против выступал и премьер-министр С. Демирель. Однако с невольной подачи Озала в Турции начались дискуссии о возможной федерализации страны с целью решения курдского вопроса.

Как бы то ни было, либерализм Озала связывался с религиозным и курдским ренессансом во внутривнутриполитической жизни страны. Именно при Озале был снят в январе 1991 г. запрет с использования курдского языка в стране, что, как предполагалось выше, неслучайно совпало с актуализацией курдского фактора из-за событий на севере Ирака. Роль, инициативы и последствия внешней политики Озала достаточно хорошо изучены¹⁵. Тургут Озал, родом из Малатьи курд по материнской линии, 13 декабря 1983 г. стал премьер-министром страны и сформировал однопартийное правительство Партии Отечества. Активно поддерживаемый США, премьер начал политику, основным приоритетом которой были преобразования либерального характера, а представляемая им партия относилась к правоцентристскому политическому спектру. В том факте, что этнический курд стал главой турецкого государства нет ничего удивительного: еще Исмет Иненю, соратник Ататюрка и второй президент республики заявлял о своем курдском происхождении. Однако гораздо больший интерес вызывает то обстоятельство, что во главе государства оказался глубоко верующий человек, член тариката (ордена) накшбанди, совершавший пятикратный намаз и совершивший хадж в Мекку. Так в воспоминаниях генерал Кенана Эврена, совершившего госпереворот в Турции 12 сентября 1980 г. утверждалось, что он «никогда бы не допустил Тургута Озала в большую политику, если бы знал, что он является членом религиозного тариката»¹⁶. Не стремясь противопоставить себя верхушке вооруженных сил в стране, за три года до этого совершивших государственный переворот, возглавляемая Озалом Партия Отечества предложила свою альтернативную стратегию либеральных реформ, нацеленных на демократизацию общественно-политической жизни, развитие рыночной экономики, свободы предпринимательства, а также постепенную активизацию религиозного фактора в увязке с националистическими идеями в форме доктрины «исламотюркского синтеза»¹⁷.

Изменение всего внешнеполитического курса Турции было обозначено 1991 годом, по крайней мере, по двум причинам: это завершение холодной войны, связанное с крушением СССР и советского блока, а также война в Персидском Заливе после захвата Ираком Кувейта. Первая война в Персидском заливе (называемая так в турецкой литературе) по сути, вовлекла в себя и Турцию, предоставившую 17 января 1991 г. воздушную базу Инджирлик для осуществления воздушной операции против режима Саддама Хуссейна.

Принадлежность Тургута Озала к ордену (тарикату) накшбанди, которому принадлежат или принадлежали такие политические фигуры, как бывший президент Турции Абдулла Гюль, основатель исламистской партии «Рефах» Неджметтин Эрбакан и бывший президент Иракского Курдистана, нынешний руководитель Демократической партии Курдистана Мосуд Барзани, создавало дополнительный стимул для активизации курдского фактора во внешней политике Турции в указанный период.

В целом период президентства Озала характеризовался отказом от политики невмешательства в дела арабских стран, когда Турция стала играть более активную роль в мониторинге политики и ситуации в арабском мире. В то время как западные страны были озабочены по поводу вторжения Ирака в Кувейт, влиянии этого события на нефтяные рынки и в целом на стабильность в регионе, Турция опасалась тех изменений, которые произойдут с усилением роли и влияния западных стран в регионе и в первую очередь, США.

Перед самой войной в Персидском заливе у Турции резко ухудшились отношения с Ираком и Сирией, с одной стороны, в связи с поддержкой сторонников ПРК на сопредельных территориях в этих странах, с другой – по водному вопросу, связанном со строительством в рамках амбициозного ирригационного проекта юго-восточной Анатолии – плотины им. Ататюрка на Евфрате. Проект был одним из звеньев, с помощью которого Озал хотел расширить сферы влияния Турции во внешней политике на фоне как укрепления отношений с США, так и укрепления их же позиций на Ближнем Востоке. Как уже отмечалось, Озал стремился развивать торговлю путем установления более активных отношений со странами Ближнего Востока, особенно со странами Персидского залива. Тем не менее, сразу после принятия резолюции ООН № 661, Турция приостановила все экономические отношения с Багдадом, также перекрыв нефтепровод Киркук-Юмурталык, что принесло Турции убытки ежегодные убытки в размере 400 млн. долларов. Руководство Турции, не без колебаний, поддержало силы коалиции и предоставило им военную базу Инджирлик.

Ранее Анкара узаконила свои действия по возможному нарушению иракской границы посредством соглашения «о преследовании по горячим следам», подписанным с Багдадом в начале 1980-х годов (аннулировано Багдадом в 1988 г). Это соглашение вызвало резкое недовольство руководства ДПК, которое тогда даже пригрозило курдским восстанием на территории юго-востока Турции в случае турецкого вторжения на север Ирака. Однако

вспыхнувшее в марте 1991 г. не без подстрекательства США народное восстание курдов на севере Ирака вновь спутало карты основных игроков на Ближнем Востоке.

Восстание, которое охватило северный Ирак в марте 1991 г., наряду с шиитским югом страны, имело свою закономерную предысторию. Еще в начале 1987 г. двоюродный брат Саддама Хусейна Али Хасан аль-Маджид был назначен на должность руководителя Бюро по делам Севера в партии Баас (позднее печально известный как «мясник Кувейта»). Ему были даны абсолютные полномочия и под его непосредственным руководством иракские войска, состоящие из регулярных армейских бригад, а также элитных республиканских гвардейцев, проводили массовые зачистки направленные против курдских партизан, которые в итоге вылились в массовые убийства мирного курдского населения (т.н. операция «Анфаль»). Она преследовала двойную цель: уничтожить курдских партизан и изгнать гражданское население из большинства горных деревень. Согласно курдским источникам, во время этой кампании использовалось химическое оружие. Почти 15 000 деревень были депортированы в удаленные лагеря, где многие курды погибли. Эти акции привлекли на удивление мало внимания за рубежом, несмотря на призывы курдов к Организации Объединенных Наций.

Именно химическая атака в Халабдже, в небольшом курдском городке недалеко от иранской границы, к юго-востоку от Сулеймании в марте 1988 г., наконец, привлекла внимание международного сообщества к ситуации вокруг иракских курдов. Драматические репортажи иностранных журналистов, которых Иран пригласил в Халабджу, наконец, вызвали международное негодование, которое не смогло оказать давления на Ирак и режим Саддама Хусейна. Менее чем через полгода Ирак снова применил химическое оружие против своих курдских граждан. Вскоре после подписания соглашения о прекращении огня с Ираном произошло третье и наиболее жестокое наступление на курдское население, в рамках операции Аль-Анфаль (в августе 1988 г.). Оно было направлено против районов, контролируемых Демократической партией Курдистана, в самой северной части Ирака. При атаке на курдские поселения использовался отравляющий газ, в результате чего погибли тысячи людей, и выжившие в панике бежали. Около 65 000 человек пересекли границу с Турцией, прежде чем она была перекрыта иракскими войсками; большое количество иракских курдов также сбежали в Иран.

В конце 80-х годов с помощью террора, использования своего химического арсенала (и угрозы повторного его использования против курдов) Багдаду удалось подавить курдское сопротивление. Иракские курдские партии вынуждены были отказаться от вооруженной борьбы внутри Ирака, сосредоточившись на политических и дипломатических усилиях за рубежом с целью привлечения внимания международной общественности и политиков к политике насильственного переселения курдов на севере Ирака. К концу 1990 г. около 4000 деревень (из примерно 7000 курдских деревень в Ираке)

были полностью разрушены. Даже такие города, как Халабджа и Рания были стерты с лица земли, их население было переселено в «новые города Саддама», расположенные в центральной части Ирака. При этом около 30 000 иракских курдов по-прежнему оставались в лагерях беженцев в Турции.

Подавление курдского сопротивления позволило режиму Саддама в 1990 г. сосредоточиться на кувейтском направлении. Угроза повторения химической атаки была достаточно очевидной и в течение всего кувейтского кризиса и последующей войны в Персидском заливе курдские организации воздерживались от военных действий. Поражение Ирака в Кувейте вселило надежду на то, что режим Саддама падет и в марте 1991 г. иракские курды подняли самое массовое восстание в своей истории. На этот раз инициативу взяли не курдские партии, а многочисленные городские курды, которые долгое время оставались в стороне от явной политики или даже сотрудничали с правящим в Багдаде режимом. Только на более позднем этапе ДПК и ПСК смогли взять под свой контроль руководство в восстании. В течение нескольких недель чувство свободы возобладавало и курды по сути демонтировали существующий правительственный аппарат на севере страны; иракские же солдаты сдались курдам или просто пошли домой. Но затем сделалось очевидным, что военная мощь Саддама не была уничтожена во время первой войны в Персидском заливе, как на это надеялись очень многие в тот период. Иракские танки и боевые вертолеты атаковали мятежные города на севере Ирака. Бомбардировки фосфором и серной кислотой и страх перед грозным химическим арсеналом Ирака быстро деморализовали многих курдов, посеяв панику среди городского и сельского населения, которое устремилось к границам Турции или Ирана. Всего более двух миллионов человек, т.е. более половины иракских курдов бежали из своих домов.

Вызов в лице курдских беженцев из Ирака, нахлынувших в Турцию представлял определенную угрозу национальной безопасности страны, поскольку на территорию Турции вместе с беженцами просочилась и агитаторы и активисты ПРК, которые могли поднять мятеж в юго-восточных районах Турции. По сути, Турция в результате «исхода» курдов из Ирака столкнулась с перспективой «экспорта» мартовской курдской революции в 1991 г. из Ирака на территорию уже своей страны.

Здесь стоит напомнить, что практически сразу после первых же вооруженных актов повстанцев из ПРК в Шемдинли в 1984 г. турецкие силы проводили трансграничные операции на территории Ирака. Поэтому более активная роль Турции в мониторинге политики на Ближнем Востоке, стремление стать своеобразным медиатором в арабских государствах, преследовала как цели обеспечения собственной безопасности, так и цели экономической выгоды для Турции. США в обмен на помощь в Первой войне в Персидском заливе (1990–1991 гг.) обещали содействовать военной модернизации Турции, снятию различных ограничений, налагаемых на импорт текстильной продукции и облегчения бремени задолженности. Также Арабские

Эмираты, США и Кувейт создали фонд поддержки обороны Турции объемом 4,2 млрд долларов.

Уже упоминавшемся феноменом «черного лебедя» (непредсказуемого события) в трактовке характера развития отношений Турции с иракскими курдами можно рассматривать массовый «исход» курдских беженцев в марте-апреле 1991 г. после начала военной операции багдадского режима по подавлению курдского восстания на севере страны. К середине апреля число беженцев на территории Турции достигло полумиллиона человек. Руководство Турции понимало, что единственным решением по этому вопросу является отправка беженцев обратно в Северный Ирак. Однако курды нуждались не только в жилье и пище, но и в безопасности от сил Саддама. После ряда встреч в конце апреля Тургут Озал инициировал операцию по поддержанию мира (Provide Comfort) в которой было задействовано примерно в 17 000 военных антисаддамовской коалиции. Нужно отметить, что единства о действиях в данной ситуации в руководстве Турции не было. Точке зрения Озала противостоял могущественный генералитет в лице Совета национальной безопасности. Тем не менее, начала готовится военная операция «Сила Молота», первоначальной задачей которой, как представляется, могла быть оккупация севера Ирака исключительно в интересах Турции. Дело в том, что у Турции на руках было подписанное еще в 80-е годы соглашение с режимом Саддама о том, что вооруженные силы Турции (ВСТ) имеют право преследовать курдских повстанцев на территории Ирака. На этом основании представлялось, что Турция может осуществить операцию по гуманитарной военной интервенции в Северный Ирак в рамках резолюции ООН самостоятельно. Однако согласно уставу НАТО, Турция обязана была консультироваться по подобным вопросам с членами военного блока. Действительно, у Турции в 1991 г. была возможность самостоятельного проведения военной гуманитарной миссии в рамках резолюции ООН, однако против этого категорически выступали руководители курдских политических партий Ирака, угрожая вооруженным сопротивлением. Формально для руководства Турции целью этой операции было создание обстановки безопасности, в которой курдские беженцы могли вернуться домой. С другой стороны, к июлю 1991 г. Озал понимал, что у Турции была возможность если и не аннексировать северный Ирак в случае падения режима Саддама или де-факто распада Ирака, то как минимум создать там марионеточное государство, на манер Турецкой республики Северного Кипра. По сути, новый порядок, возникший с окончанием Холодной войны, впервые стал серьезным геополитическим испытанием для Турции.

В итоге операция «Сила молота» была проведена в рамках союзнических действий и военной операции Provide Comfort-2 летом 1991 г., в которой наряду с турками принимали участие военные из США, Великобритании и Франции. Итогом этой операции стало то, что курды, живущие в северном Ираке, начали предпринимать шаги для создания новой собственной курдской

политической структуры независимо от Багдада и под защитой сил антисаддамовской коалиции. Это было неприемлемо для Турции, которая выступала и выступает против создания курдского государства в непосредственной близости от своих границ.

Тем не менее, после создания бесполетной зоны к северу от 36-й параллели в 1991–92 гг. администрация Багдада утратила контроль на севере страны. Открытие базы Инджирлик в Турции для антисаддамовской коалиции существенно помогло в ее создании. Таким образом, инициировав создание бесполетной зоны, Турция, по сути, способствовала последовавшей суверенизации Иракского Курдистана, хотя и преследовала совершенно другие цели. Более того, в этот момент Анкара пыталась предотвратить создание курдского государства в регионе, проводя политику по поддержанию территориальной целостности Ирака. С этой целью Турция пыталась получить поддержку Соединенных Штатов, развивающих отношения с курдскими партиями в Ираке, которые, в свою очередь, в период восстания в марте 1991 г. во многом зависели от Ирана. Турция попыталась перехватить у Ирана инициативу в «северо-иракском» вопросе, выступая своеобразным покровителем иракских курдов. С другой стороны, Турция опасалась усиления в этом регионе ПРК, в связи с чем стала оказывать поддержку местным туркоманам и их политическим организациям.

Связи ДПК и ПРК продолжались примерно до конца 1987 г.; в их охлаждении свою роль сыграли идеологические расхождения между ультралевой ПРК и традиционалистской ДПК, что способствовало усилению связей сторонников ПРК с классово-ориентированной ПСК, возглавляемой Джелалом Талабани. Эта ситуация изменилась после Первой войны в Персидском заливе, когда Озал попытался помешать этим партиям развивать отношения с РПК, встретившись с лидерами ДПК и ПСК в Анкаре. Позже ДПК и ПСК открыли свои представительства в столице Турции. Благодаря расследованию турецкого журналиста Угура Мумджу стало известно о поставках легкого стрелкового вооружения со стороны Турции сторонникам Талабани в Ираке¹⁸.

В рамках неформальных договоренностей с 1991 г. турецкая армия провела много трансграничных операций на территории Ирака, целью которых являлось подавление баз апочистов на севере страны. Как уже отмечалось, параллельно президент пошел на снятие запрета на использование курдского языка в стране, что, однако, не помешало многим турецким курдам считать это, как моральную победу апочистов и лично А. Оджалана. Это и многое другое повлияло на то, что в Турции после выборов 1991 г. созрел общественный запрос на решение курдской проблемы. Сулейман Демирель, который создал правительство в этот период, выдвинул план решения, совершенно отличающийся от подхода кемалистов до 1991 г.¹⁹

В начале 90-х годов дебаты о политике Турции в отношении северного Ирака часто были основной чертой внешнеполитической доктрины Тургута Озала. Однако изучение предвыборных политических программ Партии

Отечества показывает, что вопрос Северного Ирака не был в центре внимания Озала до войны в Персидском заливе 1991 года. В период президентства Озала курды, живущие в Ираке, не имели другого выбора, кроме как установить хорошие отношения с Ираном и Турцией, союзниками в их борьбе против Саддама. С другой стороны прямые контакты между руководством Турции и лидерами курдских партий позволили очертить «красные линии»: о недопустимости поддержки ПРК или самопровозглашения курдского государства на севере Ирака.

Для ведения неофициальных контактов турецкого руководства с руководителями двух крупных курдских политических партий в феврале 1991 г. журналист Дженгиз Чандар по поручению президента направился в Лондон, где встретился с влиятельным оппозиционным иракским политиком туркоманского происхождения Ахмедом Челеби, который организовал встречу в Лондоне между Чандаром, Джалалом Талабани и представителем Мосуда Барзани Мухсином Дизайи. Озалу необходимо было убедить курдских лидеров, что они ему могут доверять. Контакты осуществлялись с согласия тогдашнего руководителя Генштаба Турции Догана Гюреша.

Так, 8 марта 1991 г. заместитель министра иностранных дел Турции Т. Озчери встретился в Анкаре с Дж. Талабани и представителем Мосуда Барзани М. Дизайи²⁰. А уже летом состоялась их встреча с президентом. Позволяя курдским лидерам совершать поездки через свою территорию с Европу и США, ведя с курдами приграничную торговли и покупая нефть, Турция поставила будущую автономию в определенную зависимость от себя. Как уже говорилось, президент Тургут Озал рассматривал перспективу федеративного устройства Ирака с последующим вхождением Иракского Курдистана в состав Турции. Этот неафишируемый проект Озала встретил решительное сопротивление со стороны военного генералитета Турции и многих политиков. Они рассматривали попытку присоединения бывшего Мосульского вилайета, как прямую угрозу территориальной целостности, а также причину для возможных осложнений отношений с Ираном и Сирией.

Как бы то ни было, в мае 1992 г. в Северном Ираке состоялись выборы в местный курдский парламент, что послужило началом формирования органов местного управления, а уже в октябре руководство «Свободного Курдистана» заявило о необходимости федеративного устройства Ирака. Этот процесс не мог не отразиться на юго-восточных районах Турции, населенных курдами, среди которых было много беженцев из Ирака.. Активация ПРК совпала с кровавыми столкновениями местного населения с турецкой полицией во время празднования Новруза, в результате чего погибли 37 человек. В отчете близкого соратника Т. Озала по Партии Отечества Аднана Кахведжи, погибшего при загадочных обстоятельствах незадолго до смерти Озала в 1993 г., говорилось о ситуации близкой к «гражданской войне» на юго-востоке Турции. Отчет Кахведжи о поездке на юго-восток стал основой для плана Озала по урегулированию ситуации с курдским

вопросом, который он передал премьер-министру Сулейману Демирелю. Он требовал незамедлительного «признания курдской реальности и курдской идентичности» в стране²¹. В этом же году в Турции началось теле вещание на курдском, был снят запрет на преподавание курдского языка в школе.

Наряду с этим осенью 1992 г. Турция начала крупную военную операцию против апочистов на территории северного Ирака. Однако первоначально силы иракских курдов пешмерга примкнули к партизанам из ПРК: сторонники Мустафы Барзани опасались, что дело идет к оккупации всей территории Иракского Курдистана.

За этим последовали новые консультации Озала с руководителями курдских и туркоманских политических партий Ирака. Было очевидно, что ДПК пыталась использовать ПРК, как инструмент противодействия турецкой угрозе в случае попытки аннексировать Иракский Курдистан. Поэтому руководители Иракского Курдистана закрывали глаза на присутствие в Кандильских горах баз повстанцев.

Как представляется, одной из целей «курдской» политики Озала был поиск возможности введения Абдуллы Оджалана и ПРК в большую турецкую политику. Начатые переговоры между ним и президентом Турции при посредничестве Дж. Талабани и журналиста Дженгиза Чандара вселяли надежду на возможность политического урегулирования курдского вопроса в Турции, однако неожиданная смерть Тургута Озала в апреле 1993 г. прервала этот процесс.

Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что курдская политика Тургута Озаласоздала прецедент для мирного урегулирования курдского вопроса в самой Турции, так, к сожалению, так до конца и не реализованного. Что касается внешнего аспекта активизации связей Анкары с иракскими курдами, то это процесс, скорее, означал, что Турция к началу кризиса в Персидском заливе пыталась преодолеть узкие рамки специфических условий, в которых формировалась внешнеполитическая доктрина страны, сводившаяся к необходимости проведения во имя сохранения мира лишнего каких-либо политических амбиций политического курса.

Очевидно, что такая пассивная позиция, во многом опосредованная обязательствами в рамках НАТО, была поставлена под сомнение в результате изменения геополитических условий на Ближнем Востоке в начале 90-х гг. XX века. Используя терминологию Давутоглу, можно сказать, что Турция таким образом стремилась перейти из разряда пассивных в разряд «амбициозных» государств. Попытка Озала добиться от Совета национальной безопасности таких действий, которые позволили бы восстановить Турции исторический контроль над северным Ираком, при всей ее авантюристичности и практической нереализуемости, фиксировала присутствие экспансионистских намерений в среде турецких элит, которым тогда противостоял могущественный генералитет. Наглядным примером этому может послужить серьезный политический кризис в отношениях между гражданским

руководством Турции и военными в тот период, когда президент Озал в начале иракского кризиса в 1990 г. через Меджлис провел свое разрешение использовать территорию Турции многонациональным силам для проведения операции против режима Саддама Хусейна. С другой же стороны экономические и политические отношения с Иракским Курдистаном, заложенные в этот период, позволили автономии выстоять в период блокады, а затем успешно вести торгово-экономические отношения с Турцией.

Литература

1. Cenk Saraçoğlu. Türkiye ve Irak'taki Kürt Hareketinin Evrimi Üzerine Tarihsel Karşılaştırmalı Bir Tartışma Çerçevesi . Praksis. № 14, 2006. S. 258.
2. Serhat Erkmen. İç Etkenler Açısından Türkiye'nin Kuzey Irak Politikası'nın Dönüşümü. Bilig. Kış 2015, Sayı 72. S. 172-173.
3. A.Davutoğlu. Stratejik Derinlik.İst.2015. S. 62.
4. Kemal Kirişçi, The Transformation of Turkish Foreign Policy: The Rise Of Trading State. New Perspectives on Turkey, No.40, 2009. P. 29-56.
5. D. McDowall. A Modern History of the Kurds. London. 2017. P. 371.
6. D.McDowell. Modern History of the Kurds.L.-N.Y., 2005, P. 370.
7. Atay Akdevelioğlu, Ömer Kürkçüoğlu, "Ortadoğu'yla İlişkiler: İran'la İlişkiler", Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler Yorumlar, Derleyen Baskın Oran, cilt 2, İletişim Yayınları, İstanbul 2008. S. 582.
8. Здесь следует отметить наличие разночтений понятия «квазигосударственности» в английском (proto-state) и турецком (kukla devleti) языках. См. подробнее: D.Natali.The Kurdish Quasi-State: Development and Dependency in Post-Gulf War Iraq (Modern Intellectual and Political History of the Middle East).Syracuse University Press. 2010.
9. После открытия Национального собрания Мустафа Кемаль при рассмотрении вопроса о южных границах государства 1 мая 1920 г. заявил: «Ассамблея является не только турецкой, не только черкесской, но и не курдской. Но, кроме всего прочего, это земля ислама и граница нашей нации проходит через Искендерун, Мосул, Сулейманию, Киркук. Это то, что наш народ назвал нашей границей». (Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri I-III, Atatürk Araştırma Merkezi Yayınları, 1989. S. 74-75).
10. H. Özoğlu. Exaggerating and Exploiting the Sheikh Said Rebellion of 1925 for Political Gains. New Perspectives on Turkey, no. 41 (2009). P. 191.

11. D. Şenbaş. Türkiye'nin Kuzey Irak politikası: iç ve dış politika etikleşimi. İst. 2018. S. 143.
12. D.McDowell. A Modern History of the Kurds.London. 2007. P. 367.
13. Давутоглу, StratejikDerinlik. S. 25.
14. И.А. Свистунова. Иракский фактор во внешней политике Турецкой Республики, 1990-2007 гг. М., 2008. С. 34.
15. Muhittin Ataman, "Özal Leadership and Restructuring of Turkish Ethnic Policy in the 1980s", Middle Eastern Studies, Cilt 38, No.4, 2002. S. 123-142.
16. Н. Alptekin. "Türkiye'de Sivil Asker İlişkilerinde Özal'ı Yıllara Kurumsalcı Bir Yaklaşım: 1983-1993". MuhafazakârDüşünceDergisi. 55. Sayı. 2018. S. 145.
17. А. С. Клинов. Вопросы северо-восточной границы Турции // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал, №1-2, 2010.
18. https://wikipedia.org/wiki/Мумджу,_Угур._ (дата обращения: 15.05.2020).
19. К.В. Вертяев, С. М. Иванов. Курдский национализм: история и современность. М., 2015. С. 225.
20. Özdağ Ümit, Türkiye Kuzey Irak ve PKK, Bir Gayri Nizami Savaşın Anatomisi, Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi Yayınları, Ankara 1999. S. 74.
21. <http://ahmetdursunarsivi.blogspot.com/2014/07/ozal-apo-pazarlgnn-icyuzu-candundar.html> (дата обращения: 15.05.2020).